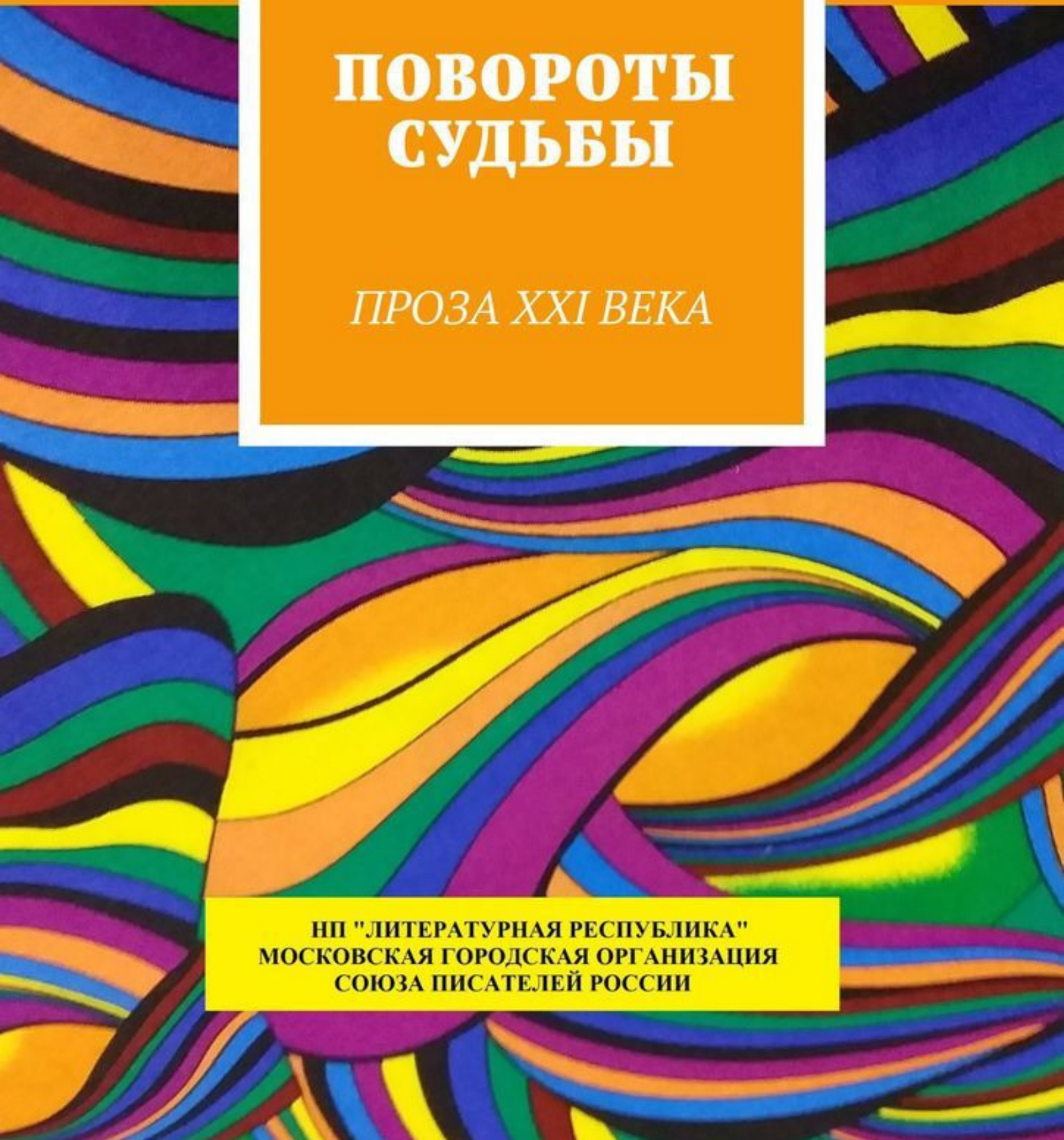
18+

Нина Войтенок

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ПРОЗА XXI ВЕКА

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Нина Войтенок

Повороты судьбы. Проза XXI века

«Издательские решения»

Войтенок Н.

Повороты судьбы. Проза XXI века / Н. Войтенок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490802-2

«ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ» — сборник рассказов, основанных на реальных событиях, красной нитью в которых проходит тема нравственности. Различные истории — от любви между мужчинами и женщинами до возвышенной любви к Природе и Родине, различные времена — от революции 1917 года до событий года 2020, но единый посыл души автора: человек должен всегда оставаться человеком, творить добро и нести свет в наш удивительный и прекрасный мир.

ISBN 978-5-79-490802-2

© Войтенок Н.
© Издательские решения

Содержание

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ 6
Оставить след 6
Лошадиная верность 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Повороты судьбы
Проза XXI века
Нина Войтенок

«Литературная Республика» *НП*
Благодарности:
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА
Директор издательства: Бояринова О.В.
Руководитель проекта: Крючкова А.А.
Редактор: Петрушин В.П.
Вёрстка: Измайлова Т.И.
Обложка: Крушинина В.А.
Книга издаётся в авторской редакции
Возрастной ценз 16+
Печать осуществляется по требованию
Шрифт Serif Ingenue 11
ISBN 978-5-7949-0802-2
Издательство
Московской городской организации
Союза писателей России
121069
Россия, Москва
ул. Б. Никитская, дом 50А/5
2-ой этаж, каб. 4
В данной серии издаются книги
авторов, пишущих на русском языке
в XXI веке
Электронная почта: litress@mail.ru
Тел.: + 7 (495) 691-94-51
© Нина Войтенок, 2022
ISBN 978-5-7949-0802-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Оставить след

Год 1920

***

Агафья осталась с тремя детьми одна. Могла бы выйти замуж: находился человек, но не решилась. Боялась за детей: вдруг обидит – не родные ведь. А дети уже все понимали, настороженно смотрели на приходившего каждый вечер дядю Степана и очень обрадовались, когда однажды мать с грустью в глазах оглядела свою детвору и попросила его не приходить больше. Все трое по мере своих сил старались помогать матери в любых делах. Не оставлял Агафью и старший брат Никодим.

Много зим и вёсен прошло с тех пор. Вот уже и двух дочерей выдала замуж, зятья достались трудолюбивые. Особенно радовало мать то, что они очень любили ее дочерей, жалели, оберегали от лишних житейских неурядиц. Все жили отдельно от матери, каждая семья имела свое подворье, достаток. Как и положено: пошли внуки – радость бабушке. Агафья жила с младшим Данилой, он семьей пока не обзавелся. И если дочери пошли по мужу – смуглые лицом, волосы черные, как смоль, то Данила был копия самой Агафьи —голубоглазый, светловолосый кудряшка.

Трудная доля выпала Агафье: на старости лет ей достались четверо малолетних внуков, дети младшей дочери Ульяны. Самому младшему Федюне – семь недель, Ване – семь лет, Фросе – четыре года, Дашутке – два годика.

До самой смерти не забудет Агафья 18 февраля 1920 года. В этот морозный ясный день она в одночасье лишилась дочери Ульяны и зятя Иосифа, которого любила, как родного сына. Трудились они с дочерью день и ночь, потому имели справное хозяйство. Очень любили детей, а они нарождались в любви и согласии, как грибочки, один за другим. Иосиф всю тяжесть по хозяйству взвалил на свои плечи. После рождения Феденьки Ульяна долго не могла поправить здоровье, Иосиф старался быть всегда рядом.

А время было неспокойное. Совсем замучили крестьянство: насильственно заставляли работать в госхозах на положении наемных рабочих. По первому требованию властей они обязаны были бросать свое хозяйство и везти дрова в город и на железнодорожную станцию, расчищать снег, перевозить солдат и чиновников, выполнять прочие повинности по распоряжению местных властей. Не этого ожидали крестьяне от новой власти, чувствовали себя униженными. Свое хозяйство уходило в запустение. Крестьяне сначала возмущались, а потом организованно восставали против такого бесправия.

16 февраля 1920 года деревенским мужикам вновь было приказано отвезти дрова на железнодорожную станцию. А это ни много ни мало – пятнадцать километров туда и столько же обратно, да груженые сани. Пока вернется обратно, вновь ничего не сделаешь в своем хозяйстве. Мужиков прорвало: «А кто наших детишек согреет?», «А кто нас кормить будет, если для своего хозяйства времени не остается?», «Мы и без города проживем!», «Нам кататься в поездах некогда!», «Пусть горожане приезжают к нам и трудятся вместе с нами».

Местная власть приказывала прекратить забастовку и незамедлительно приступить к выполнению приказа из уезда.

– Холоп! Прислужник! Тебе бы только выслужиться перед уездным начальством, а на нас наплевать, – негодование мужиков выходило за пределы разговора, пусть даже слишком возбужденного.

– Или сейчас же загружаетесь и везете дрова, или… – Максим Давыдович не успел договорить: толстый ком снега залепил ему рот. В толпе засмеялись. Волостной глава побагровел, очистил рот и лицо от снега, посмотрел на своих обоих помощников, стоявших на полшага сзади него и тоже улыбающихся, одарил их таким взглядом, что те сразу стали меньше ростом, потом бросил свой свирепеющий взгляд на мужиков. – … или вам же хуже будет, – медленно закончил он прерванную фразу.

– И этот сивый мерин еще угрожать нам будет! – вырвалось из толпы. – Давайте-ка его поучим, как говорить с трудовым народом, – пятеро мужиков двинулись на крыльцо Совета. Началась драка. Была пущена кровь с обеих сторон, но до зверского избиения дело не дошло. Пусть говорят, что темное мужичье, неграмотное, но оно не было жестоким, всегда помнило: лежачего не бьют.

– Ну, помяли маленько, проучили, очухаются и согреются в Совете, там у них всегда тепло, – мужики расходились по своим дворам.

А на третий день в село прибыл отряд чоновцев (ЧОН – части особого назначения – были созданы для охраны порядка, для ликвидации саботажа). Собрали всех мужиков, стали выявлять организаторов забастовки. Иосиф от имени мужиков высказал несогласие нынешним положением крестьянства. Высказал спокойно. Он и не заметил, как приехавший, видимо, главный в отряде, молча бросил взгляд на главу волости, а тот, также молча, кивнул головой.

– Так ты против Советской власти? – взревел этот же главный, и Иосиф, не ожидая такого сильного удара, покатился с крыльца. Птицей из толпы вылетела Ульяна и неожиданно для всех схватила кнут, лежавший здесь же у крыльца, и замахнулась на этого сытого приезжего. Но опустить не успела: прогремел выстрел. Ульяна пошатнулась, сделала три коротких шага назад и упала на руки поднявшегося с земли Иосифа.

Толпа взревела, началась потасовка. Прогремело еще несколько выстрелов. Хладнокровный расстрел, пять трупов лежало на снегу: четыре мужчины и одна женщина. Молодое, красивое, смуглое лицо быстро бледнело, снег окрашивался в ярко-красный цвет, ветер шевелил волосы, выбившиеся из-под платка.

Стало тихо, замерли обе стороны.

– Другим неповадно будет, – спокойно проговорил старший, вложил оружие в кобуру, повернулся и пошел в здание Совета.

В толпе заплакали женщины, закричали мужчины, но уже без вызова, даже со страхом. Так и закончилось буйство сельских мужиков. Они вновь оказались на коленях: уважай новую власть.

Данила большую долю вины в смерти сестры и зятя чувствовал за собой.

– Это я виноват, мама, что не смог убедить Иосифа потерпеть еще немного эту «временную тяжелую политику государства», – уж который вечер подряд твердил Данила. – Еще не закончена война, кругом разруха, голод. Неужели так трудно было понять?

Данила был комсомольским вожаком, ездил по всей волости, вел разъяснительную работу среди крестьян о тяжелом положении в стране, о необходимости объединения хозяйств, о коллективном труде, о том, как голодают в городе. С ним соглашались и не соглашались. Говорили, что им тоже трудно приходится, гнут спину с утра до ночи, а хлеба вволю не едят. Опять же, в городе купить что-то для семьи можно только за хлеб.

То, что так может закончиться бунт в родном селе, для Данилы было полной неожиданностью. Всю неделю он был в разъезде по соседним деревням. В тот злополучный день приехал домой уже после случившегося.

Было потом расследование, доходили слухи до села, что строго наказан открывший стрельбу. Но Данила знал, что это не так: «наказанный» также работает в уезде, ездит по деревням. Но в это село не заглядывал после случившегося ни разу.

Чтобы оградить от возможных дальнейших неприятностей своих племянников-сирот, Данила смог всем четверым дать свою фамилию.

Он был умный, рассудительный от роду, грамотный по образованности своей – закончил церковно-приходскую школу, затем, дважды в неделю посещал в уезде школу, организованную специально для комсомольского актива. Личность его была хорошо известна не только во всей волости, но и в уезде, где пользовался уважением. По бесплатному распределению газет среди населения он был в числе первых. Данила не замыкался в своем чтении, просвещал деревенскую молодежь, разъезжая по всей волости. Был активным строителем новой жизни, свято верил в наступление лучших времен для трудового народа.

Данила все свое свободное время, а у комсомольского вожака его было не так уж много, посвящал своим малолетним племянникам. Старшего Ваню сразу же стал заставлять осваивать грамоту: учил с ним буквы, складывал слоги. У племянника особого тяготения к грамоте не было, но он был большой ловкач: запросто мог расплакаться от внезапно возникшей боли в какой-нибудь части тела, дабы дядя сжалился над ним. Но часто спасением было вмешательство бабушки.

– Ладно, не забивай голову, видишь, какой он худенький, – бывало, начинает защищать внука Агафья.

– Мама, мозгам не надо большого тела. Их надо развивать. Жизнь новая настает. Неужели вы все не видите? Не все время будет так трудно. Очень скоро все вздохнут легонько, – уверенно говорил Данила.

– Дай-то Бог, – уступала мать сыну.

– Ладно, иди, показывай свои фокусы друзьям, – дядя отсылал мальчишку на улицу, освобождая от дальнейших занятий.

– Я вот Феденьку скоро буду учить, – улыбался Данила, подходя к самому младшему племяннику.

Ему уже исполнилось пять месяцев. Он хорошо сидел, узнавал своих и приветствовал улыбкой. Рос крепеньким мальчиком, окруженным всеобщей любовью, заботой, вниманием. Но больше всех с ним приходилось быть все же Ване.

– Бабушка и дядя Данила хитренькие, – часто плакался одногодкам паренёк. – Как будто я уже совсем большой, нянькайся с этим «пискуном». А если уж и большой, так лучше бы работал вместо них, пусть сами за ним смотрят.

Друзья относились с сочувствием, но ничем помочь не могли, у многих была такая же участь. Поэтому, получая от дяди Данилы отпуск на улицу, мальчишка в одно мгновенье оказывался за дверью. Данила брал на руки самого младшенького, подносил к оконцу и начинал с ним разговаривать. Агафья в те минуты отдыхала от работы, но голова была занята тревожными мыслями. Неспокойное наступало время. Ходили слухи по селу, что скоро заберут все хозяйство из дворов, объединят, заставят жить в общих, вновь настроенных бараках.

– А куда же дома? – сокрушалась старая женщина. – Куда нас, стариков? Ну, я еще кое-что могу, а куда денут совсем слабых?

Жизнь не стоит на месте, дни обрываются и улетают, как листья с деревьев. Только, сколько раз наступит завтра прежде, чем появится новый лист на дереве?! Поэтому не следует склонять голову перед трудностями, надо смотреть в завтрашний день с надеждой и своими руками приближать лучшее время.

Крестьянин всегда думает о завтрашнем дне, потому в эту весну, несмотря на трудности с семенами, каждый засеял свой участок вовремя, пусть пришлось кому-то «затянуть поясом свой живот» до нового урожая. А там и не заметишь, как придет пора убирать. А пока – все зрело и набирало сил днем под ярким солнцем, отдыхало от зноя ночью под шатром звездного неба.

Не хлебом единым жив человек: в селе завершалось строительство новой деревянной начальной школы, а в соседнем селе строилась семилетняя. Для работы в начальной школе приехала молодая учительница. Она была невысокого роста. Что бросалось сразу в глаза, так это длинная толстая коса, лежащая неподвижно на спине.

– Ну и косища! Как такую отрастила?! – то ли с восхищением, то ли с завистью говорили друг другу селяне.

А Прасковья Федоровна сразу с головой окунулась в работу по подготовке школы к учебному году. Подружилась с местными девчатами, в свободное вечернее время организовала коллективные читки, на которые приходило все больше молодежи. Были, конечно, недовольные, привыкшие только развлекаться в вечернее время, но им не давали развернуться.

Данила не мог не обратить внимания на эту серьезную милую девушку как комсомольский вожак и как просто молодой деревенский парень. И не только он «положил глаз» на молодую учительницу. Она же со всеми держалась ровно, с достоинством: выше других себя не поднимала, но и ниже опускать никому не позволяла. Вот это в ней Даниле нравилось больше всего.

С вечера, казалось, мрачное небо готовило непогоду на завтрашний день. Но рано утром проснулась спящая красавица, открыла глаза и своим лучистым взглядом помогла пробраться солнечным лучам сквозь нависшие над землей тучи. Все мрачное скрылось, уступая место погожему дню. Солнце было еще невысоко, его лучи скользили по верхушкам деревьев, а на земле лежала седая роса. Красавица вышла на улицу с ведром за водой: надо освежить классную комнату – через три дня начинались занятия.

У Прасковьи Федоровны была помощница – тетка Марьяна, грузная добродушная женщина, направленная местной властью уборщицей в школу. У нее было шесть детей, работой в хозяйстве больше занимался муж Антип: у Марьяны было слабое здоровье. Чтобы как-то помочь содержать семью, ее и направили в новую школу. Но Прасковья Федоровна, видя, как тетка Марьяна тяжело дышит при малейшей физической нагрузке, старалась помочь женщине во всех делах.

Вот и в это утро, еще до прихода тетки Марьяны решила заняться уборкой. Только спустилась под горку, как увидела идущего навстречу Данилу. Она давно заприметила этого парня, изредка бросала на него взгляды и очень боялась: а вдруг он это заметит, а еще страшнее будет, если они вдруг встретятся взглядами. Не хотелось ей первой открыть свою симпатию. Она была такая маленькая рядом с ним.

– Прасковья Федоровна, давайте я вам помогу, – остановился Данила, поравнявшись с девушкой и протянув руку к ведру.

– Спасибо, Данила Георгиевич, но мне совсем нетрудно это сделать самой, – проговорила смущенная Прасковья, опустила голову и тут же поняла, что выдала себя с головой. Но Данила ведь был вожак молодежи смелый, находчивый.

– Вам нетрудно, а мне так и совсем легко, – улыбнулся он.

Взял осторожно ведро из рук девушки, и они вместе направились к кринице. Сначала шли молча, тема разговора не приходила в голову.

– От нас требуется еще какая-нибудь помощь? – Данила первым нарушил молчание. – Мы – это ребята и девчата из комсомольской ячейки, а также сельская молодежь. Все они уже достаточно и с удовольствием потрудились на строительстве школы.

– Я так благодарна всем ребятам и вам лично за ваше внимание к школе, – Прасковья Федоровна шла рядом, молча ругая себя за плохую привычку краснеть и потому опускать голову. – Остались совсем незначительные дела, мы с тетей Марьяной справимся сами.

Данила знал, какая помощница из тетки Марьяны, понимал, что почти вся нагрузка и по уборке лежит на плечах этой девушки, и радовался, что она не чурается никакой работы.

«Хорошая хозяйка будет в доме», – промелькнула мысль у Данилы.

Он улыбнулся и посмотрел на девушку. Она почувствовала его взгляд и еще больше покраснела.

– Ну, что ж, раз в школе для нас дел нет, предлагаю благоустройство территории вокруг школы, – на полном серьезе сказал Данила. – Давайте сегодня же или завтра заглянем в наш лес, посмотрим молодую поросль и подберем что-то для школьного двора. Потом посадим деревца и разметим клумбы для цветов. Пусть это место будет самым прекрасным в нашем селе.

Много хорошего о Даниле слышала Прасковья Федоровна от своей новой подруги Нюры, а сейчас сама убедилась: «Хороший человек Данила, старается сделать приятное для всех, далеко вперед смотрит». Но тут же со страхом пронеслось в голове: «Одной идти с парнем в лес?» Данила сразу понял состояние собеседницы, как только посмотрел на неё.

– Можете пригласить с собой Нюру, она хорошо знает лес, и, как мне показалось, вы с ней подружились, – поспешил исправиться Данила.

– Да, Нюра помогает мне во всем. Только давайте завтра решим вопрос с посадкой молодых деревьев, а сегодня мы с тетей Марьяной наведем чистоту в школе.

– Будем считать и этот вопрос решённым. Я приглашу пару ребят, чтобы сразу принести отобранные деревца, – закончил разговор Данила, поставил ведро с водой у дверей школы и направился по своим делам.

Прасковья Федоровна любила порядок во всем. Это можно было понять сразу, как окажешься в ее комнатушке, которая находилась здесь же, в школе, через стену от классной комнаты. Она сама согласилась жить в школе, не хотелось обременять кого бы то ни было заботой о себе. Она все умела делать. Люди в селе ей нравились своим добродушием, откровенностью, доброжелательностью, почтением. Вот уже целую неделю она одна находилась в школе ночью, страх не посетил ее пока ни разу. Она знала, что работать придется в две смены: ребятишек набралось в 1-й класс столько, что в одну не вместить. Но и это ее не пугало, тем более обещали прислать подмогу.

Прасковья Федоровна сидела за новым самодельным столом, считала чистые листочки и думала: «Как же эту малость поделить, чтобы никого не обидеть? На какие части делить? Что придумать? Чем писать? На чем?»

– Паша, быстрей собирайся, ребята ждут за околицей, – прервала грустные мысли молодой учительницы Нюра, неожиданно появившаяся в дверях комнаты. Нюре было позволено самой Прасковьей Федоровной называть ее просто Пашей, но только, когда они были наедине. Так было ближе и теплее…

А подружились они сразу, как только молодая учительница приехала в село. Данила вместе с главой совета собрал комсомольцев и молодежь, решался один вопрос: кто может поселить Прасковью Федоровну у себя, хотя бы на время, а там разберемся. Не успели подумать, как Нюра твердо сказала: «Моя мама не будет против». Отца у Нюры не было, он погиб на войне в 1916 году.

С первых дней девушки прониклись симпатией друг к другу. Мать Нюры была довольна новой подругой дочери и очень тужила, когда учительница перебралась в свое жилье. Но Нюра ежедневно встречалась с подругой, строго следила за ее питанием. И никогда не позволила себе оговориться на людях, всегда с уважением называла учительницу: «Прасковья Федоровна».

Прасковья Федоровна от неожиданного громкого голоса Нюры вздрогнула, но быстренько пришла в себя, так же быстро встала с табуретки, отложила в сторону чистые листочки и с подругой поспешила к ребятам за околицу.

Лес был совсем близко, как говорится, рукой подать. На краю леса в хороводе кружили белоствольные березки. На них показались первые пряди желтых листьев – осень начинала своё шествие. Пока она ступала осторожными робкими шагами. Но очень скоро заработает со всей удалью своей кистью, а ветер разнесет ее художество по округе, и покроется земля-

матушка разноцветным ковром, который сначала украсит ее, а затем будет согревать всю студеную зиму.

Белоствольные подружки вызвали улыбку на лице Прасковьи Федоровны, она сразу же представила весеннюю картину: она с учениками на фоне оживающих после зимнего сна этих красавиц. «Обязательно приведу сюда детишек на экскурсию», – решила учительница и перевела взгляд на молодые деревца.

Жаль их было тревожить, но они только «мешались под ногами» у этих красавиц. Было решено выкопать 15 березок, тех малюток, которые совсем близко примкнули к своим старшим сестрицам и не могли развиваться нормально.

Немного углубились в лес и увидели чудную картину: в небольшом уединении стояла рябина. Ягоды ее еще не налились ярко-красным цветом, но уже хорошо различались оранжевым оттенком на зеленом фоне. По южной стороне от рябины, совсем рядом, протянув к ней свои тонкие, нежные ветки-ручонки, росли четыре рябинки-малютки. Именно, с одной стороны – как будто рябина-мать охраняла их от невзгод.

Прасковья Федоровна давно мечтала о рябине под окном, но не решилась в этом месте взяться за лопату. Остальных тоже остановила:

– Не тревожьте эту дружную семейку. Пусть подрастают, может, и не будут мешать друг другу, какая еще зима будет. Посадим пока березки, огородим их от животных.

«Добрая и сердечная», – с нежностью подумал Данила о девушке.

Сделали все так, как просила Прасковья Федоровна, даже успели разметить цветник, но копать не стали, не хотелось, чтобы на первый школьный день были черные пятна, пусть пока желто-зеленый ковер окружает школу.

Школа была готова принять в свои стены восемьдесят ребятишек. В первую смену будут заниматься самые маленькие – восьмилетние, девятилетние девчонки и мальчишки, во вторую – ребята-переростки, не умеющие читать, писать. Данила был приглашен в школу как почетный гость. Пришел он заранее, но всё же оказался не первым. Стояли родители и много детворы с полотняными сумками через плечо.

Начался первый учебный день с открытия новой школы, и, как полагается, первое слово взял глава волости Максим Давыдович. После февральских событий он удержался на своем месте. Голос его стал мягче, точнее сказать, звучал вкрадчивее, но напускная улыбка не могла скрыть холодный, колкий взгляд. А глаза – зеркало души. Потому и закрепилось за ним в селе с того трагического дня: «Макся – черная душонка». Он, конечно же, об этом знал. Начал свою речь, посмотрел на присутствующих взрослых и стал повторяться в словах, словом, заикаться. И совсем растерялся, когда в толпе заговорили громко и засмеялись. Но он хорошо знал своих селян, был хитер и, когда важнее было выбрать меньшее зло для себя, не раздумывая, делал это, пряча все остальное глубже.

– А сейчас слово представителю от уездного комсомола Даниле Георгиевичу Войтенок, – Максим Давыдович проговорил с улыбкой, уверенный в одобрении селянами его действий.

Данила не сразу сообразил, услышав знакомую фамилию, он любовался молодой учительницей, думая о том, как ей трудно придется, ведь уже вряд ли приедет помощь в этом году, на которую она так надеется.

– Пожалуйста, просим Вас, Данила Георгиевич, – Прасковья Федоровна, обращаясь к Даниле, засмущалась, покраснела, что не ускользнуло от взрослых.

– Дорогие ребята, сегодня для вас открываются не только двери этой новой, пусть пока небольшой деревянной школы. Но с сегодняшнего дня для вас открывается дверь в новую жизнь, строителями которой вы будете. И от того, как с первых школьных дней вы начнете овладевать знаниями, от вашего старания, прилежания, зависит скорейшее наступление того светлого будущего, о котором всегда мечтали ваши деды, мечтают стоящие сейчас перед вами

отцы и матери. Вы все теперь – одна школьная семья, будьте дружны, помогайте друг другу во всем.

Данила не любил пространных речей, тем более в данный момент понимал, какая перед ним публика. Свои слова он сказал в большей степени для взрослых, от них многое зависело в школьной жизни детворы. Видимо, взрослые поняли это и слушали Данилу с вниманием.

Закончил он, обращаясь к ребятам:

– Слушайтесь учительницу, помогайте ей, берегите ее. Вас много, а она – одна, – Данила улыбнулся.

После торжественной части старших детей отпустили домой, а малыши несмело перешли школьный порог. Прасковья Федоровна замыкала это шествие.

В полдень Данила вновь пришел в школу, чтобы узнать, как прошел первый день учебы, какие трудности особенно мешают в работе. Говоря о трудностях, он лукавил даже перед самим собой, его просто тянуло в школу, чтобы еще раз увидеть Прасковью Федоровну – с недавнего времени, он только о ней и думал.

– Единственная трудность, мешающая нам нормально работать, – это нехватка бумаги и карандашей, – сообщила учительница, обрадованная появлением Данилы.

– А можно ли бумагу заменить дощечками, карандаши – угольками? – спросил Данила.

Прасковья Федоровна вначале не поняла. Данила продолжил:

– Дощечки побелим белой глиной с молоком, так и моя мама делает, чтобы к печке можно было прислониться и не измазаться побелкой. На них можно будет писать угольком. Потом осторожно стирать, а по необходимости – вновь белить. Или же чуть оттеним дощечки. На них хорошо будет виден мел.

Глаза Прасковьи Федоровны загорелись. Она уже радовалась за детишек: теперь каждый сможет писать.

Поздно вечером Данила, счастливый, вновь шел рядом с Прасковьей Федоровной: она разрешила проводить себя до школы. Ей давно этого хотелось, а еще она боялась Федота, который не сводил с нее наглых, пьяных глаз.

Федота, равно, как и его отца, в селе не любили. Прожили они в селе немало, но понять их толком так и не смогли. «Сами себе на уме», – говорили о них односельчане. С сельской молодежью Федот не находил ничего общего ни в словах, ни в делах. Отец его тоже был замкнутый, суровый мужик, и чем удивлял односельчан, так это дружбой с главой сельсовета. Жену свою, Олимпиаду, и трех дочерей заставлял работать с утра до ночи, не слышали они от него ласкового слова. Держал при хозяйстве помощницу Настю, моложавую бабенку, с ней был ласков. Поговаривали в селе, что Настя-то и была теперь ему женой. Попытались как-то дочери отстоять свою мать, прогнать со двора помощницу, но им же и досталось от отца, а матери – и того больше. Селяне жалели эту женскую половину и пуще не любили мужскую.

А для Данилы с этого вечера наступили самые счастливые времена его жизни: каждый вечер, опьяненный своей любовью, он возвращался домой после прогулки с Прасковьей Федоровной. Бывая в другом селе или в уезде по комсомольской работе, Данила уже не оставался на ночлег, спешил навстречу со своим счастьем, своей радостью, хотя бы на пять минут.

Подходил к концу сентябрь. Серые тучи все чаще затягивали небо, сеял холодный дождь. Несколько раз в день он принимался моросить, проплывет туча и выльет все свои запасы на землю без остатка. Пройдет немного времени, и новая туча принимается источать холодные водяные струи. Повсюду гулял сердитый ветер, свистел в голых сучьях деревьев. Осень 1920 года удлиняла свой путь.

Неожиданно Данилу вызвали в уезд. Там его ожидало ошеломляющее известие: его, простого сельского парня, направляли делегатом на III съезд комсомола. До села он домчался быстрее ветра, правда, чуть не загнал своего Рысака, за что получил от матери.

– Куда ты собрался в такую даль? – прослезилась Агафья. – А как я останусь одна с внуками, ты обо мне подумал? – мать говорила с обидой в голосе. А Данила не мог понять, почему не радуется мама за него, за себя, наконец, что родила, вырастила сына…

– Мама, мне оказана огромная честь от всего нашего уезда. Может, подобного в жизни моей больше и не выпадет, а ты не рада за меня, – теперь обижался Данила. – Я же еду не насовсем. Марьяна тебе поможет, я с ней уже говорил об этом. Да и девчата ее после школы присмотрят за Феденькой и Дашуткой. Она, знаешь, как рада за меня, – Данила улыбнулся.

Марьяна даже прослезилась от радости, сказала:

– Поезжай, братец, за маму и племянников не волнуйся. Они никогда не были брошены, и теперь присмотрим.

– Да, я и сама еще при силе. И гордилась всегда я тобой, сынок. Ты у меня весь в отца умом пошел. Впервой ты так далеко едешь, мне страшно становится, неспокойно кругом.

Агафья вновь приложила кончики платка к глазам.

– Мама, твой сын нигде не пропадет. Уж сколько я от волков уходил, возвращаясь поздно из деревень! А тут кругом будут люди…

Данила не успел закончить. Все обернулись на радостный крик Фроси:

– Бабушка, посмотри, Федяня, своими ножками топает.

Из-за печки, медленно ступая босыми ноженками, выходил темноволосый человечек.

– Стой, стой, – спешно проговорила Агафья, схватив со стола нож. – Надо «путце» промеж ножек разрезать, чтобы смело сам ходил по земелюшке нашей родимой.

Она подошла, наклонилась перед внуком и сделала ножом крестик между ножек, как бы разрезая веревочку, спутавшую ножки.

– Вот это радость, подарочек к моему отъезду, – Данила подхватил своего любимца на руки и подбросил несколько раз почти до потолка.

Вечером он собрал парней и девчат и сообщил им новость. Они не слишком были удивлены сказанным, потому что были уверены, что их Данила самый лучший вожак во всем уезде и даже в губернии. Только глаза у Прасковьи Федоровны слегка затуманились, что сразу заметил Данила. Оставшись наедине, она всю дорогу до школы молчала, а потом вдруг расплакалась, до конца не осознавая своих слез. В этот вечер Данила осмелился ее поцеловать. Губы были чуть соленые от слез, но юноша сходил с ума от этого соленого привкуса. Он целовал эти губы, эти глаза, полные слез и просил дожидаться его возвращения без грусти.

– Мы больше с тобой никогда не расстанемся, Пашенька, – голос его дрожал от любви и нежности. – Вот приеду из Москвы, сразу и запишемся в Совете.

Девушка не могла вымолвить и слова. Сердце куда-то опустилось, отсчитывая свои поспешные удары, а губы никак не могли насытиться поцелуями. Расстались далеко за полночь, рано утром Даниле предстояла длинная дорога.

Трое суток добирался Данила до Москвы: в теплушке, на крыше вагона и даже пешком. Хмуро и сурово столица встретила сельского паренька. Ранним утром 2 октября 1920 года он вошел в Большой зал Коммунистического университета имени Я. М. Сверлова. Здесь уже было много молодежи, в основном – его ровесники, юноши и девушки 18—20 лет. Всего присутствовало на съезде 602 делегата, из них 327 посланцев комсомольских организаций – рабочие и крестьяне.

Многие делегаты были одеты в ветхую одежду, некоторые парни одеты даже в женские шерстяные кофты. О Даниле на этот счет позаботились в уезде: перед самым отъездом ему выдали комплект воинского обмундирования, чему он тогда обрадовался, а сейчас, глядя на своих ровесников, испытывал неловкость.

Повестка дня съезда была насыщенной. Делегатов ожидала радостная весть: на съезде выступит Владимир Ильич Ленин.

Ленин был встречен бурной овацией съезда. Данила сидел в третьем ряду, увидев Ленина, приподнялся, чтобы лучше его рассмотреть, а потом рассказать всем: какой он – самый главный человек страны. То же самое случилось со всеми, долго не смолкали аплодисменты, зал стоя рукоплескал любимому вождю.

Ленин говорил на простом, понятном языке. Данила слушал речь вождя ушами, ртом, глазами – всем телом, стараясь не пропустить ни одного жеста, не говоря уже о словах. Он впитывал в себя все, не успевая, как следует осмыслить услышанное и удивлялся осведомленности Ленина: он знал обо всем, что происходило в разных уголках огромной страны. Много вождь говорил о крестьянстве, о том, что надо работать на общей земле и по общему плану.

«Вот и в нашем уезде давно об этом твердят», – прошептал Данила.

По душе пришлись слова Ленина о старой школе, о том, что не надо все старое рушить, а уметь выбрать полезное для новой жизни.

«Сколько уже упущено», – думал Данила вечерами после заседаний, перебирая в памяти слова В. И. Ленина. Он вспоминал погромы, уничтожение ценных картин, разрушение строений, памятников в своем краю, пусть даже принадлежавших ранее хозяевам. «Но чьими руками это было возведено?! Эти же руки будут потом разбирать и вновь строить. Неужели это неуемное, неразумное буйство заложено в русском народе изначально? – размышлял с горечью Данила. – Ломать – не строить, наверно, это придумал наш народ».

А вот слова вождя о крестьянстве Данила не мог осознать до конца. «И что ж это получается? Трудяга-крестьянин на своем отдельном участке земли присваивает себе лишний хлеб и превращается в эксплуататора? А кто решил, что этот хлеб лишний для крестьянина? А, может, Ленин прав: не следует горбиться крестьянину день и ночь на своем участке?» «Учиться, надо обязательно учиться – это главная цель молодежи», – вспоминал слова вождя Данила.

Незаметно подошла к концу работа съезда. Появилось много новых друзей, с которыми проводили вечера в спорах, в чтении газет, книг. Наступило 10 октября, в этот день III съезд РКСМ закончил свою работу.

Данила возвращался из Москвы с душой, переполненной радостью, которая заметно вырывалась наружу: глаза его горели, излучая при этом какие-то таинственные лучики, на губах часто появлялась улыбка. Глядя на него, казалось, что в вагоне, в который удалось забраться с большим трудом, он едет один, погруженный во что-то свое и очень важное. И, конечно же, он не мог видеть взгляды окружающих его молодых и пожилых попутчиков. Даниле хотелось доехать, долететь побыстрее, чтобы сказать ребятам, что он видел живого Ленина. Ему поверят сразу, он никогда никого не обманывал, даже шутя, даже во имя спасения. И первой, конечно, он скажет об этом своей любимой Прасковье, по которой истосковался. Может, поэтому он и не замечал особо пристального взгляда из противоположного угла вагона. На него, не отрываясь, смотрела чернобровая девушка, смотрела, как на чудо. Видно, понимала, что это чудо скоро растворится, потому взгляд выражал безысходную тоску.

Военная форма делала Данилу еще притягательней. Не обратить внимания на этого юношу было просто невозможно. О таких в народе говорят: «Богатырь земли русской». Это был высокий молодой человек, плотный, мускулистый; белое интеллигентное лицо, большие голубые глаза с густыми ресницами и светлые, кудрявые волосы, выбивавшиеся из-под козырька кожаной фуражки. Внешность Данилы полностью отражала его внутреннее содержание. С пересадками, остановками, он ехал уже четвертые сутки. До родного уезда добрался почти в десять часов вечера. Мог бы заночевать, но решил добираться домой.

«Разомнусь, а то засиделся, – думал Данила, выходя за город. – Обрадую своим неожиданным появлением Прасковью». Это и было главной причиной ночного похода Данилы домой.

Дорога была разбита, но Данила шел быстро, не соблюдая осторожности, потому часто сапоги попадали в лужи и грязь. «Обмою обувку при входе в село», – думал Данила, ускоряя

шаг. Не заметил, как вошел в село, ноги сами несли его на пригорок, где стояла школа. Он собирался уже завернуть за угол и взойти на крыльцо, как услышал быстрые тяжелые шаги: кто-то, видимо, мужского пола, выходил из школы. Данила спрятался за угол, сердце защемило от ревности, от обиды. Стояла темная осенняя ночь – хоть глаз коли. Вышедший замешкался у крыльца, затем послышался всплеск. Человек приближался к Даниле. Запахло керосином. На угол, за которым стоял невидимый Данила, полился керосин, частично облитым оказался и он.

Данила остолбенел от ярости:

– Ты что же, зверюга, творишь?

Он бросился на это ночное «чудище», свалил на землю и тотчас узнал Федота. Сердце Данилы защемило, внутри все похолодело. Он бросил пьяного Федота на земле, а сам побежал внутрь здания.

– Паша, Пашенька, родная моя! Где ты? – дрожащим голосом позвал Данила свою любимую.

Стояла мертвая тишина. Данила обошел наощупь всю комнатку Прасковьи Федоровны: ее нигде не было. «Может, у Нюры снова поселилась?» – затеплилась надежда у юноши. Он вышел из здания, Федота уже не было на месте. Данила подошел к двум столбам, стоявшим недалеко от школы, и ударил в набат. Люди один за другим поспешили к школе. Увидев приближающихся с факелом в руках, Данила закричал:

– Не подходите с огнем к зданию школы! Принесите мне лампу!

Пришедшие по голосу узнали Данилу, хотя Данила и сам не узнавал своего голоса. Теперь, когда к нему подошла Нюра, он понял: случилось непоправимое. Он взял из чьих-то рук лампу, предупредил собравшихся, что школа облита керосином, а сам пошел в классную комнату. Скамейки в классе валялись на полу, учительский стол был сдвинут к окну. У доски лежала Прасковья Федоровна. Платье было на ней изодрано в клочья, коса растрепана, волосы отдельными прядями распластались по полу. Голова лежала в луже крови. Данила опустился на колени и замер. Подошли ребята. Данила ничего не слышал, потом поднялся, вышел из школы и пошел под горку. Ребята из ячейки пошли следом. Войдя в проулок, они поняли, куда держит путь их вожак. Подошли к дому, где жил Федот, постучали в окно, да так, что рамы затрещали.

– Кого там носит по ночам?! – послышался сонный голос отца Федота.

– Нам нужен Федот, – глухо проговорил Данила.

Короткое замешательство.

– А он еще не пришел с гулянки, – проговорил отец. – И что это он вам так спешно понадобился?

– Идем, Данила, ты же не станешь рушить весь дом из-за этого подлюги.

Друзья обняли Данилу и направились обратно к школе…

Осенний рассвет нетороплив. Но Данила не хотел вообще видеть зарождение нового дня, жизнь для него остановилась и не имела никакого смысла. В голове все перепуталось, внутри была одна пустота. Как жить дальше? Что делать? – он не находил ответа на казавшиеся ранее такими простыми и понятными вопросы…

Смертельная тоска поселилась в душе: хотелось разрядиться в безумном бешенстве или уничтожить себя. Только память о прошлом удерживала Данилу от этих безобразных действий.

Три дня подряд лил холодный осенний дождь. Жизнь в селе замерла: люди не выходили из своих домов, для ребятишек настали преждевременные каникулы. Данила все эти дни сидел у окна, иногда брал на руки Феденьку, молча прижимал к себе. Взгляд его был растерянным.

Не вышел он из дома и когда увозили приехавшие из уезда работники ЧК тело учительницы. Хотел помнить только живую, смущенную, с опущенными глазами и толстой косой.

Последнюю картинку старался стереть из памяти, но это не удавалось, может, потому он и выглядел таким растерянным.

«Самое ужасное, – это то, что этот нечеловек сможет теперь жить, пусть даже в заключении», – думал Данила, вспоминая постановление и предписание председателя ВЧК Феликса Дзержинского от 15 января, 28 февраля 1920 года о полной отмене применения высшей меры наказания. Но тут Данила ошибся: Федота нашли в лесу через неделю, избитого и привязанного к дереву. Дотошного расследования не было, а в селе так и говорили: «Собаке – собачья смерть».

Агафья не противилась, когда в ноябре этого же 1920-го года Данила решил стать курсантом школы военного типа по направлению уездного комитета комсомола.

«Время лечит, – думала Агафья, обнимая сына. – Может, город быстрее вернет его к жизни».

Вновь Агафья осталась одна с четырьмя внуками. «Жизнь повторяется, – все чаще думала женщина. – Когда-то, кажется, не так уж и давно, осталась одна с тремя детьми. А теперь вот – с четырьмя внуками. Вырастила детей, Бог даст сил – выращу и внуков. Только бы не было больше потерь и утрат на моем веку. Не приведи, Господи, мне пережить еще раз подобное». Агафья отвела в сторону влажные глаза.

Вскоре после отъезда Данилы из села вновь заработала школа: учительствовать приехала молодая пара. Село продолжало жить своей жизнью. Каждый трудился на своем участке в поте лица, сельскохозяйственные коммуны товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) в селе не прошли.

Наступил 1927 год. Данила часто наведывался в родное село, но на день-два. За эти годы он возмужал, раздался в плечах. Работал в уезде в органах государственной безопасности. В селе закрепилась за ним одно прозвище – Чекист. Он так и не женился, Агафья уже и не надеялась, что дождется радостного момента, когда возьмет маленький тепленький комочек в свои руки. «Видно, мой Данила такой же однолюб, как и я», – оправдывала она Данилу и успокаивала себя.

Последний «комочек», который она держала на руках, за эти семь лет вырос, стал смышленым пареньком, горячо любил свою бабушку Агафью. Своего младшего внука старая Агафья любила больше всех. Может, оттого что он был самый младшенький, а, может, напоминал ей мужа Георгия, так рано ушедшего на тот свет.

За эти семь лет Агафья постарела, сильно сдало здоровье, но каждое утро, не уставая, просила Господа дать ей силы подрастить внуков. Даша стала копией Ульяны, Федюня – такой же смуглый, темноволосый, но лицом больше походил на мужа Агафьи. Фрося и Ваня подросли и были опорой для бабушки во всякой работе.

Агафье что-то этой весной нездоровилось. Она уже обращалась за помощью к местной лекарке Лукерье, выпила все ее снадобье, теперь решила сутки пить лишь святую водичку.

– Федюня, внучек, сходи к батюшке за водичкой святой. Что-то мне не можется, – Агафья протянула мальчику небольшую глиняную бутылку. Мальчишка проворно подбежал к бабушке, взял бутылку и опрометью бросился из хаты.

«Лишь бы Феденька смог добраться до церкви, воды уже полно кругом. Весна в этом году дружная, скоро и весь снег растает», – размышляла Агафья, поглядывая в оконце. А Феденька в это время, обрадованный тем, что бабушка позволила надеть Дашкины валенки с бахилами, стоял у ручья с Ефимкой, пытаясь выиграть «сражение». Оба изодрали свои пальчики, отламывая толстую, старую кору на вербе, стоявшей тут же у ручья, бросали свои «кораблики» в ручей и наблюдали, чей быстрее скроется под горкой и не застрянет у берега.

Ефимка был старше Федьки почти на год, но никогда не обижал друга, всегда во всех затеях были на равных. Вот и сейчас, отломив большой пласт коры (это было редкой удачей),

Ефимка предложил Федяне покопаться в карманах бабушкиной жилетки. Бабушка одела внука поверх всего в свою жилетку, да еще подвязала платком.

– Может, какой лоскуток или клочок бумаги завалялся? – глаза Ефимки горели. – Ты, Федяня, заверни туда мокрого снега и положи на мою «баржу», посмотрим, как она пойдет груженая.

Чтобы добраться до карманов бабушкиной жилетки, Феде надо было наклониться почти до самых бахил. Он залез в один карман, там ничего не было, наклонился ко второму – и замер в испуге.

– Что ты, Федянька, что там такое? – настороженно спросил друг.

– Все, Ефимка, быть мне битому сегодня, – Федя в отчаянии собрался уже плакать.

– Да что с тобой? – еще больше заволновался Ефимка.

– Бабушка меня в церковь послала за святой водичкой, а теперь она уже закрыта, – слезы уже приготовились к выходу из зеленоватых глаз.

Ефимке никак не хотелось, чтобы другу влетело, тем более, и он виноват в случившемся: ведь именно он окликнул спешившего друга, предложил ему это интересное занятие. А солнце улыбалось с высоты, растопило своей широкой улыбкой придорожный снег. Вода прибавила и с большей силой устремилась вниз, чтобы пополнить темные воды речки Красной.

– Федяня, давай твою бутылочку, – обрадовался находчивости Ефимка.

– Зачем она тебе?

– Загляни вон в ту канавку, там водичка такая прозрачная, снег еще над ней лежит. Давай я лягу на край и наберу полную твою бутылку. Пусть твоя бабушка пьет на здоровье!

– А разве так можно?

– Можно, если не хочешь трепки хорошей получить, – улыбнулся Ефимка. – Да ты не бойся, я никому не скажу.

Федька домой прибежал весь мокрый: было жарко от яркого весеннего солнца, да и ноги все же промочил. Бабушка обрадовалась, что внуку удалось-таки пробраться к церкви, она поставила бутылку на печку: пусть водица согреется.

Три дня Федя никуда не выходил: не пускала бабушка. Утром и вечером она трогала дрожащими губами детский лобик, качала головой и отсылала внука на печку. Вновь ходила к Лукерье за травой, кипятила воду и поила мальчика чаем.

В воскресенье пошла в церковь на службу попросить Господа о здравии Феденьки и всех остальных родных ей людей. После службы подошла Агафья к батюшке Анатолию на исповедь: чувствовала свою вину в том, что Феденька занемог. Местный поп уважал эту женщину, знал, сколько ей довелось испытать в жизни, иногда помогал ей, чем мог.

Услышав слова благодарности в свой адрес за водичку и раскаяние в том, что послала внучонка в половодье, из-за чего он теперь заболел, батюшка Анатолий все же установил истину. Даже не скрыл улыбки от Агафьи, дивясь находчивости сорванца. Агафью успокоил:

– Мы не зря назвали его Федором. Федор – это дар Божий. Сам Господь послал тебе чистой, природной водицы руками этого мальца. Тебе же легче стало?

– Да, батюшка, легче, легче, – проговорила смущённая Агафья.

– Ну, не серчай на внука, пусть выздоравливает. Однако скажи ему, что все знаешь. Пусть понимает, что обман все равно раскрывается, хоть и не сразу. Иди с Богом, – отец Анатолий проводил Агафью взглядом до дверей, осенил крестом: «Дай ей, Господи, здоровья, сил поднять на ноги этих сироток».

Агафья, конечно, всыпала бы по полной своему любимому внучонку, но не стала гневить Бога, не дала волю чувствам, так как не могла ослушаться совета батюшки. А Феденька бабушку ожидал со службы со страхом. Она пришла серьезная, но лицо не пылало от гнева, как Феденька сказал бы: не злое было лицо у бабушки. Она усадила внука на колени, поцеловала в макушку:

– Никогда не обманывай старших, не ври никому. Обманом не проживешь, за него всегда Бог наказывает. Вот ты обманул меня, а сам заболел.

Федя на всю жизнь запомнил слова бабушки Агафьи. Всю свою дальнейшую жизнь был честным, смелым, всегда боролся за правду. Но это было потом, а сейчас он обхватил обеими ручонками за шею самую родную бабушку Агафью, прижался к ней всем своим худеньким тельцем и задышал спокойно, ровно. Бабушка обняла его своими натруженными, сморщенными руками, прижала к груди, и глаза затянуло туманом.

И в который раз острой болью в сердце отозвалось воспоминание об Ульяне и Иосифе. Им было бы сейчас по тридцать с небольшим. «Будь ты проклята, эта новая власть, – думала Агафья, и слезы текли по её щекам. – Что сделали мои дети плохого? Трудились день и ночь».

Она гладила Феденьку по спине руками, а он вдруг притих на груди, и Агафья поняла: внук уснул, положив свою головку ей на плечо. Она осторожно отнесла его на лежанку, накрыла стеганым одеялом, а сама вышла во двор посмотреть: не затекла ли вода в погреб.

Возле погреба уже возились старшие внуки с мужем старшей дочери Алексеем. Они отвозили на санках подальше от погреба мокрый снег, проделали обходной ручеек. После неожиданного отъезда Данилы из села, старшая дочь Марья долго уговаривала мать поселиться с племянниками в их доме, но Агафья так и не согласилась, все надеялась, что рано или поздно, но Данила вернется в родное село.

Мать не была обижена вниманием детей: Марья с дочками наведывалась каждый день, Данила приезжал каждый месяц, привозил гостинцы, одежду, обувь для племянников. А бывало, приезжал и несколько раз в месяц. «Несчастная моя кровиночка, не оставишь после себя и следа», – часто горевала Агафья о самом младшем сыне, о не сложившейся его личной жизни. Старая женщина была уверена, что самое главное в жизни человека – это семья, дети. «Немало хватила я горя за свою жизнь», – все чаще в последнее время размышляла Агафья, как бы подводя итог прожитому, – но у меня есть продолжение – мои внуки, Бог даст, скоро и правнуков дождусь. Вон, у Марьи с Алексеем дочери на выданье. А Данила – точное мое отражение. Господи, вразуми ты его». Все свои мысли мать направляла на Данилу.

После таких размышлений Агафья долго потом не могла уснуть. Сомкнув же ненадолго глаза, видела тревожные сны, просыпалась в страхе за сына. А после последнего приезда Данилы она совсем потеряла покой: у сына было оружие. «Значит, неспокойная жизнь в городе, – с тревогой думала Агафья. – И где же те хорошие времена, о которых так часто говорил Данила? Долго же они шагают до наших краев».

А до села все чаще доходили слухи, что вот-вот начнут объединять личные хозяйства в колхозы. Желания спрашивать ни у кого не будут. Такие слухи пугали крестьян-работяг, опускались руки. «Значит, мы трудимся до седьмого пота, расширяем запашку, разводим скот, и нас объединят с лентяями, которые побросали свои участки и нанялись в работники, чтобы как-то прокормиться», – возмущались крестьяне, не дожидаясь объединения. «Не может такого быть, – в конце концов, успокаивали друг друга. – Сколько уже наслушались за последние годы, ан нет – живем – не тужим».

А в последние годы и вправду жилось неплохо: урожай собирали хороший, получались значительные хлебные излишки, можно было многое купить в городе для семьи и в хозяйство. «В этом году было много снега, значит, будет много хлеба», – радуясь дружной весне, думали селяне. Вот уже и посев не за горами. Ушла в речку голубая вода, зеленая пришла на луг. С каждым днем становится все теплее. Земледелец проверяет земелюшку на готовность к посеву: «Созрела кормилица, всему – свое время». С утра до сумерек, как муравьи, копошатся работяги целыми семьями на своих участках.

Марья с Алексеем в этом году решили засеять больший участок: «Надо готовить приданое дочерям. Да и материн придется засевать одним: Данила что-то не едет, кто ей поможет, да

и какая уже из нее работница, – говорила Марья мужу. – Хотя бы дома потихоньку копошилась с ребятишками».

Данила приехал ночью, мать сразу узнала его по стуку в окошко. Открыла дверь, проводила в дом и сразу же поспешила усадить за стол:

– Небось, голодный, сынок, вот борщеца из щавеля поешь.

Необычайно ласков был Данила, погладил мать по седым вискам.

– Я всегда сыт, мама. Разве я похож на голодающего? Где мои сорванцы?

Он прошел за перегородку. Прижавшись друг к другу, рядком лежали племянники: младшие – в середине, старшие – по краям. Данила наклонился, поправил ручонку любимца.

– Осторожно, а то пробудишь. Что ты, сынок, так поздно приехал?

Агафья уводила Данилу из спальни, боясь, что Федька проснется, и тогда сыну не придется отдохнуть. С младшим внуком бывало такое не раз.

– Мама, ты должна мне помочь, – Данила сел рядом с матерью, обнял ее за плечи.

– Конечно, сынок, помогу чем только смогу.

– Дело очень серьезное, мама. На этой неделе из города приедут заготовители. Надо будет сдать излишки зерна.

– Но мы сдали все положенное, – перебила сына Агафья, отвечая за себя и за семью Марьи.

– Я знаю, мама, – еще тише и медленнее проговорил Данила. – Городу нужен дополнительный хлеб. И он будет взят из села любой ценой. Помоги мне уговорить Алексея не противиться власти.

Он не стал говорить матери, до чего доходил хлебозаготовительный процесс в других волостях.

– Какая же это заготовка? Это грабеж, сынок! Ты посмотри на свою сестру, на зятя! Они согнулись от работы, постарели. Пять дочерей нелегко в жизнь отправить. Они уже день от ночи не отличают. Хлебушек сам не родится.

Данила слушал молча, изредка вздыхая. Сердцем почуяла Агафья всю серьезность и опасность этого дела: «Недаром Данила примчался ночью. Боится за семью Марьи, за Алексея. Зять – горячий человек».

Тотчас вспомнила Ульяну и Иосифа.

…Были крики, никем не услышанные, но больше – слёз. Хлеб увозили на лошадях, и название ему было придумано: «красный обоз». После этого «красного обоза» появилось много детишек с бледными до синевы лицами.

Вечерами у Агафьи раздавалось пение под окном: детский голосок прославлял Христа, просил милостыню. Многие в селе научились печь лепешки с примесью лебеды и других растений. Агафья имела большой жизненный опыт по этому делу. Ни один детский, бывало, и взрослый роток не остался без подаяния.

Село выжило, дождалось нового урожая. Уже в августе женщины взялись за серпы, мужчины – за цепа. А многие и серпом орудовали хлестче женщин. Народ спешил, пока стояла сухая, жаркая погода: надо убрать все до зернышка.

Марья с Алексеем рассчитывали на этот урожай: всем надо справить осеннюю обувку, одежда тоже износилась, а главное – предстояла свадьба.

– Лицом в грязь не ударим, – рассуждал Алексей. – Сделаем не хуже людей. Да и Лизавета вон старается изо всех сил в поле.

– Христину с Катериной надо бы приодеть, а то и на улицу в стужу выйти нет путевой одежды. Чай, тоже невесты уже, – робко вставила Марья.

Алексей молчал. Марья знала, что он любит дочерей, для них готов все сделать, но изредка, пусть в шутку, укорял жену:

– Одних дочерей ты мне родила. Сколько им надо всего.

Марья не обижалась: муж любил ее так же, как двадцать лет назад, в этом она была уверена, а за себя и говорить нечего.

Так уж устроено в жизни: одни предполагают, другие располагают. В конце августа в село вновь приехали хлебозаготовители. Вместе с вооруженными военными приехал Данила. Собрали сход. Данила обратился к своим односельчанам с короткой речью, говорил, что рабочим нужен хлеб, взамен село уже весной получит товары легкой и тяжелой промышленности.

– До весны нам надо еще дожить, – послышалось из толпы.

– Такие байки мы не раз слышали. Через неделю – другие такие же заготовители приедут, – неслось из разных уголков собравшейся толпы.

Данила стоял молча. В душе он сочувствовал крестьянам, но и в городе насмотрелся нищеты.

– Зря вы, Данила Георгиевич, надеетесь на понимание этих малообразованных мужиков, – проговорил стоявший рядом военный. – Надо было сразу ехать по домам и загружаться, начиная с крайней хаты.

– Зачем же с крайней, пусть начинает со своей сестры, – раздраженный голос обращался к Даниле.

Данила молча сошел с крыльца совета, подошел к повозке, на которой сидело двое молодых парней, что-то сказал им, и все трое поехали по направлению к дому Алексея и Марьи. Остальные также разъехались по домам.

Внутри у Алексея все кипело. Один закром выбрали подчистую. Подошли ко второму, туда всегда засыпалось семенное зерно.

– О, мужик, куда тебе столько зерна? – проговорил один с ухмылкой.

– Растолстеешь, неповоротливым станешь. А нам план нужен, – добавил другой.

Алексей раскраснелся, задергались мышцы на лице. В глазах трудяги показались слезы.

– Данила, хоть ты скажи им, что эти семена и матери твоей… пять дочерей у меня и свадьба через месяц, – Алексей уже сам не понимал, что говорил. – Как жить мне дальше?

– В селе не умрешь, мужик, а Данилу Георгиевича не трогай, он у нас честный человек, – оба парня стали засыпать зерно в мешки из семенного закрома.

Алексей выбежал во двор, а через минуту появился на пороге амбара с топором в руках. В два прыжка возле него оказался Данила, крепко сжал руку, топор бросил далеко к сараю.

– А ты, мужик, нервный, – испуганно проговорил один.

– Ничего не было, – приказал Данила всем.

Алексей весь обмяк, опустился в углу на березовый чурбан. Все мешки были наполнены, подвода отъехала от дома. Данила оглянулся: Марья стояла у окна вся в слезах. Сердце сжалось.

День был трудный. Данила даже не стал играть с любимым племянником. Вечером поздним прошелся по селу и собрался спать. Предупредил мать, что сегодня будет ночевать на улице, в повозке, чуть подстелет травы. Это Алексей оставлял каждый раз свою повозку во дворе Агафьи. Еще позже в дом к матери прибежала Марья: она искала мужа, волновалась, говорила, что таким его не видела никогда за всю совместно прожитую жизнь. Он был в сильном опьянении.

– Сегодня все мужики пьяные, – добавила она.

Марья ушла, Агафья долго не могла уснуть. «Прошлась» мысленно по всей своей жизни, а засыпая, наметила: «Встану пораньше, кулеш Даниле приготовлю, он у меня – ранняя пташка, и похлебку эту любит».

Ночь была царственной: все небо усыпано звездами, полная луна ярко светила прохладным светом. Эта прохлада вливала в ночь свежесть. Было светло, тепло, ни единого дуновения ветерка. Все замерло в коротком ночном сне до рассвета.

Агафья уже давно возилась у печки, ожидая появления сына.

– Намаялся вчера, – с жалостью вслух проговорила мать.

Показалось солнышко. Агафья налила полную миску похлебки, поставила на стол, отправилась будить сына. Завернула за угол дома, подошла к повозке… и остолбенела. Все вокруг стало черным с красными прожилками. Ноги стали ватными, опустили Агафью на землю. Под повозкой, в застывшей луже крови, лежал топор.

Подул легкий утренний ветерок, зашевелил светлые кудри на голове Данилы, отделенной от туловища. Богатырь спал вечным сном…

Только под утро отыскался Алексей: протрезвевший пришел домой, безумие было в его глазах.

– Нет мне прощения, – твердил он, не смолкая…

Вся волость собралась, чтобы проводить Данилу, много приехало военных и гражданских людей из города. Агафья все это время жила, как во сне, «просыпаться» ей уже не хотелось. Она сидела возле сына в окружении рыдающих внуков, только Феденька молча смотрел на любимого дядю, не осознавая происшедшего. Нет сомнения: сердце матери давно бы разорвалось, но четыре пары детских рук, обхвативших ее со всех сторон, посылали ей жизнь.

До Агафьи долетали обрывки странных фраз: «короткая, но яркая жизнь», «обучал молодежь», «свой паек… детям», «спас от пожара», «отважный боец», «отразил бандитское нападение». И еще много чего говорилось разными незнакомыми людьми. Одна фраза, совсем непонятная, запечатлелась в памяти матери: «оставил свой след…».

***

***

***

***

***

***

***

***

***

***

Год 1927

***

***

***

***

***

***

***

Лошадиная верность

Тяжко начал своё шествие 1930 год. Стоял январь – месяц ярких звёзд, ясного неба, белых троп, синих льдов. В этом году он был особенно холодным и студёным. Детвора, если и выбегала на улицу, то только для того, чтобы единожды съехать с горки и быстро – на печку.

Семья Алексея Семёновича Бобок отдыхала после трудового дня. Летом всё время забирало поле. Ни одна женщина не могла справляться так с серпом, как этот мужчина. Повязавшись платком от палящего солнца, он вместе с сыновьями не разгибал спины. Только металл горел на солнце. Зимой отдыхать тоже не приходилось: большое хозяйство требовало ухода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.